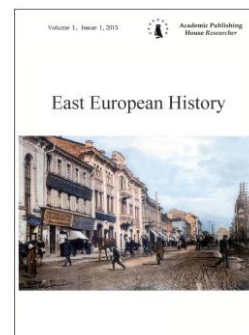

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 East European History
 Has been issued since 2015.
 E-ISSN: 2500-1310
 2018, 4(1): 3-18

DOI: 10.13187/eeh.2018.1.3
www.ejournal49.com

"Cossacks Seemed to Us to be the Knights of Homer": Materials of I.S. Ulyanov About the Cossacks of 1820-1830

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

I.S. Ulyanov was a Don general, public figure and writer of the first half of the XIX century. He was one of the most educated Don Cossacks of his time, and at the pre-revolutionary period the historical and near-historical works of I.S. Ulyanova enjoyed certain recognition. However, modern researchers mainly study the political and social activities of the general, while his literary and historical works remain outside their field of vision.

Meanwhile, the archive of I.S. Ulyanov provides a unique opportunity to look into the “creative laboratory” of the Don writer of 1820-1830, occasionally referring to historical themes. Referring to this archive, as well as «Notes of I.S. Ulyanov», we found that the Cossack officer at this time was interested in the history of the Cossacks not so often, as a rule, in connection with contacts with Poles and Russian officers, allegedly negatively related to Cossacks. I.S. Ulyanov wrote quotes from foreign authors and N.M. Karamzin, proving the greatness of the Cossacks. For the same purpose, he wrote “An excerpt from NN memorandums”, his work of 1820-1830, the most saturated with historical reminiscences. Nevertheless, despite such bias and naivety, the texts of I. S. Ulyanov anticipate some important trends in the don historiography of the second half of the XIX century.

Keywords: I.S. Ulyanov, N. M. Karamzin, G. V. von Valentini, don historiography of the first half of the XIX century, Polish uprising of 1830-1831.

1. Введение

Число дошедших до наших дней исторических работ донских авторов первой половины XIX в. крайне невелико. Этому не стоит удивляться: как пишет авторитетный специалист по данной теме профессор Н.А. Мининков, на Дону в это время только складывалось «собственное историописание» (Мининков, 2010: 273). Кроме того, значительная часть написанных в это время исторических текстов была напечатана только во второй половине столетия или даже позже. В некоторых случаях книгам и статьям мешала увидеть свет цензура, как было, например, с «Историческим описанием Земли Войска Донского В.Д. Сухорукова» (Коршиков, Королев, 2001: 7-18). Однако нередко донским историкам-любителям было просто негде публиковаться, а после их смерти рукописи оказывались утрачены. Так произошло, например, с сотрудником В.Д. Сухорукова В.М. Пудавовым, сын которого активно искал работы отца, но сумел найти и издать только

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

малую их часть (Савчук, 2004). И, к сожалению, подобная ситуация была более, чем типичной: к настоящему времени черновики и архивы почти всех донских авторов первой половины XIX в. полностью утеряны.

Исключение представляет собой архив генерал-майора Ивана Самойловича Ульянова. Еще в дореволюционный период он был включен младшими современниками в число наиболее выдающихся «донцов XIX века», сборники биографий которых выходили в Новочеркасске в 1900 г. (Донцы, 2003: 480-482). В одном из этих сборниках, в небольшой статье о И.С. Ульянове, описывалась долгая и весьма необычная жизнь. Родившийся в 1803 г. в семье простого казака, позже выслужившегося в офицеры, будущий генерал не получил никакого систематического образования, однако это не мешало ему до самой смерти в 1870 г. сотрудничать как в местных, так и в Санкт-Петербургских изданиях (Донцы, 2003: 480-482). Он участвовал только в одной войне, точнее, в подавлении Польского восстания 1830-1831 гг., однако это участие было ярким и даже по-своему уникальным: И.С. Ульянов, служивший в Варшаве, был взят мятежниками в плен, где провел почти год, причем позже он описал свои пленение и заключение в воспоминаниях (Донцы, 2003: 481). Наконец, занимая важные должности по гражданскому управлению Земли Войска Донского, И.С. Ульянов не просто проявил себя консерватором-«казакоманом», но «считал своим личным врагом всякого донца, признававшего полезными какие-либо меры, клонящиеся к сглаживанию донских особенностей» (Донцы, 2003: 481).

На наш взгляд, именно подобная разносторонность сыграла злую шутку с творческим наследием И.С. Ульянова. Характерно название статьи современной исследовательницы О.М. Морозовой, в которой генерал занимает центральное место: «Групповой портрет в интерьере канцелярии» (Морозова, 2010). О.М. Морозова неоднократно обращалась к фигуре И.С. Ульянова, однако рассматривала его почти исключительно как чиновника (Морозова, 2007: 308-327). Другой историк, А.А. Волвенко трактует генерала преимущественно как общественного деятеля, одного из лидеров «казакоманской» оппозиции правительству на Дону в 1860 г. (Volvenko, 2015: 97). В итоге «Ульянов-писатель» и «Ульянов-историк» оказались заслонены в современной историографии «Ульяновым-чиновником» и «Ульяновым-общественным деятелем». Между тем младшие современники оценивали именно исторические исследования И.С. Ульянова весьма высоко. В «Донцах XIX века» по этому поводу написаны следующие строки: «Цитирование многочисленных статей Ульянова по разным вопросам, касающимся истории Донского войска, а так же сельского хозяйства, и, особенно, оставленных им записок, повело бы нас далеко за пределы краткого описания его жизни, а потому мы отсылаем всех желающих познакомиться с этим выдающимся донцом к тем источникам, на которые указано выше» (Донцы, 2003: 482).

Так был ли И.С. Ульянов «выдающимся донцом» именно в своей научной исторической деятельности? Вопрос сложный, на который едва ли можно дать однозначный ответ. Тексты, которые мы будем анализировать ниже, были написаны или записаны будущим генералом еще в 1820-1830 гг., когда историческая наука на Дону находилась на самой ранней стадии своего развития. Безусловно, генерал как историк очень сильно уступал своему современнику В.Д. Сухорукову, но творчество последнего вообще оценивается современными историками как «высшее достижение донской историографии не только первой половины XIX в., но и всего столетия в целом» (Мининков, 2010: 277). По сравнению с трудами последующих авторов тексты И.С. Ульянова тоже сильно проигрывают, поскольку в них по понятным причинам меньше фактического и архивного материала. Но самой значительной проблемой научного наследия генерала представляется отсутствие в нем «magnum opus», важнейшего сочинения или просто какого-то сочинения крупной формы. С другой стороны, важнейшим достоинством работ донского автора является само время их написания: И.С. Ульянов был вынужден работать еще в то время, когда число опубликованных книг и статей по донской истории можно было пересчитать по пальцам, историческими штудиями он занимался в свободное от службы время, и, несмотря на это, оставил потомкам заслуживающие внимания тексты. Поэтому, как нам кажется, было бы неправильно ожидать от И.С. Ульянова выдающихся исторических трудов. Сам факт обращения к исторической тематике в 1820-1830 гг. свидетельствует о незаурядности его личности, а тот факт, что его архив полностью сохранился в Государственном архиве

Ростовской области, делает творчество генерала сравнительно удобным для исследования. Наконец, при всей неравнозначности его фигуры и фигуры В.Д. Сухорукова, двух донских историков можно рассматривать как антиподов: если В.Д. Сухоруков был «прикосновенен к заговору декабристов» (Мининков, 2010: 277), то И.С. Ульянов в 1820 г. вращался в кругах, близких к великому князю Константину Петровичу, который даже «предложил себя в восприимные отцы» первому сыну будущего генерала (Донцы, 2003: 481).

Исходя из всего вышеизложенного, мы считаем, что без анализа творчества И.С. Ульянова картина развития донской исторической науки первой половины XIX в. будет не полной. В то же время, хранящийся в его архиве материал слишком разнороден и обширен, чтобы разобрать даже исключительно исторические тексты в одной статье: на его листах соседствуют, например, драматическая фантазия о польских королях (судя по примечаниям – перевод, но нам пока не удалось определить, откуда) (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 41-430б) и заметка о критике Н.А. Полевым Н.М. Карамзина (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 158-1590б). Поэтому в данной статье мы решили обратиться к одному тематическому направлению в раннем творчестве И.С. Ульянова, направлению, возможно, не центральному в этом творчестве, но вызвавшему наибольший интерес у потомков. Речь пойдет о донской истории в изложении казачьего автора.

2. Материалы и методы

Как ни странно, в рукописях И.С. Ульянова 1820-1830 гг. мы не нашли оригинальных работ, специально посвященных прошлому донского казачества, однако именно рукопись, имеющая больше всего отсылок к этому прошлому, была опубликована в начале XX в. Во II и III выпусках «Сборника Областного войска Донского статистического комитета» вышли в свет «Записки» И.С. Ульянова, представляющие собой упомянутые выше воспоминания о пребывании в польском плену (Ульянов, 1901; Ульянов, 1902). В конце основного, чисто мемуарного, текста «Записок» был помещен небольшой публицистический материал о особенностях военной тактики донских казаков и о возможной реформе донских полков, материал, изобилующий отсылками к историческому опыту донского казачества (Ульянов, 1901: 69-82). Однако в архиве И.С. Ульянова этот материал был записан как совершенно отдельное произведение, правда, носящее название «Отрывок из памятных записок NN», однако фактически ни с какими записками не связанное (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 25-410б). Кроме того, в конце текста стояло крайне важное для понимания отношения И.С. Ульянова к истории донского казачества дополнение (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 41-410б), в «Сборниках Областного войска Донского статистического комитета» не опубликованное.

С другой стороны, в личном архиве И.С. Ульянова достаточно значительный раздел, который можно назвать своеобразным словарем: в нем представлены как иностранные слова с переводом, так и цитаты из книг, как правило, четко привязанные к ключевым словам (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 47-109). Этот раздел хорошо отражает особенности творчества И.С. Ульянова. Например, по нему можно судить о любознательности и разносторонности, но плохой образованности донского автора: в нем представлены определения из самых разнообразных областей человеческого знания, но эти определения далеко не всегда соответствуют действительности. Любопытно, например, что, по мнению И.С. Ульянова друидами «назывались у персов и у древних галлов жрецы» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 49), а материализм есть «мнение, что душа человеческая не дух, но вещество, и что нет вовсе духов, но все вещество» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 58). Как правило, для одного слова в рукописи И.С. Ульянова приводилось одно определение или одна цитата, однако как раз для истории Дона было сделано исключение. В импровизированном словарики автор раз за разом возвращался к истории своего края, и даже слово «казачество» определил дважды, причем оба определения принадлежали иностранным авторам.

Таким образом, если о «творческой мастерской» других донских историков первой половины XIX в. мы можем судить только косвенно, по их произведениям и иногда по переписке, то в случае с И.С. Ульяновым, а в особенности с «Отрывком из памятных записок NN» дело обстоит совершенно наоборот. До нас дошла не только рукопись данного текста, но и выписки, которые делал ее автор о истории казачества вообще, а события, предшествовавшие ее написанию, И.С. Ульянов описал в своих воспоминаниях.

Нам остается только применить историко-описательный метод, чтобы познакомить читателя с текстами донского исследователя, историко-биографический метод, чтобы понять, какие особенности личности автора влияли на его текст (кстати, эти особенности представляются нам весьма любопытными сами по себе), и историко-сравнительный метод, чтобы понять место работ И.С. Ульянова в донской историографии.

3. Обсуждение

«Казачья – с другой стороны казаки заняли у регулярной конницы много хорошего, не потеряв природных своих отличительных качеств. В расторопности, хитрости и решительности Спаги (турецкие наездники – прим. И.С. Ульянова) никак не могут с ними равняться, несмотря на то, что гордый турецкий конь кажется Буцефалом перед смиренной казачьей клячей и дает Спагам некоторую выгоду при сильном и бурном натиске, от которого Казаки умеют искусно уклониться. В Турецких войсках (не войнах ли? – прим. И.С. Ульянова) более всего полезна Русской Армии особливая способность казаков разведывать местности и открывать движения неприятеля. В пустых степных краях разъездные казаки заменяют отчасти <неразборчивое слово>, которых мы не имеем еще на сем театре войны. От них не скроется ни один шаг неприятельской Армии, ни один лазутчик не ускользнет, и все встречающееся на дороге они захватывают для собственного продовольствия» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 61об-62). Подобное, безусловно льстящее донцам «определение» казаков было списано И.С. Ульяновым у «Валентини, генерал-майора австрийских войск» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 61об). Судя по всему, речь идет о Г.В. фон Валентини, герое наполеоновских войн, служившем в прусской, австрийской и даже русской армии и бывшем известным в свое время военным писателем (*Военная энциклопедия, 1911b: 217*).

Чем же эта цитата, едва ли претендующая на особую глубину или оригинальность, привлекла внимание донского автора? Вероятно, своим комплементарным характером: И.С. Ульянов, как следует из его «Записок» крайне болезненно воспринимал недостаточное уважение, якобы проявляемое как поляками, так и офицерами русской регулярной армии к казакам. Даже находясь в польском плену, он жаловался на замечания на этот счет своих соратников по заключению. «Меня и всех донских офицеров, более понимающих и чувствующих народное достоинство, выводили из терпения кривые толки русских о донских казаках. <...>. Как больно, когда соотечественники наши, лишая казаков хорошего имени, которое приобрели они чистою кровью, дает имена самые оскорбительные!» (*Ульянов, 1901: 81*). С другой стороны, поляки, в среде которых он был вынужден вращаться просто из-за службы в Варшаве, по мнению И.С. Ульянова, так же имели самое искаженное представление о казаках: «Уверяли нас торжественно, что успехи будущих побед их принесут и нам великую пользу, так как донские казаки некогда принадлежали Польше! Когда мы отрекались от столь близкого с ними сродства, то они свидетельствовали в справедливости того своими историческими познаниями, приобретенными в академии. Подобные анекдоты встречались не раз» (*Ульянов, 1901: 70*). До спора с поляками И.С. Ульянов не опускался, а русским противопоставлял... «иностранцев, которые, сказать правду, вообще справедливее к казакам и лучше умеют ценить их заслуги» (*Ульянов, 1901: 81*). Это не означало, что И.С. Ульянов не считал себя русским, однако он с нетерпением призывал времена, когда «перестанут нас считать пасынками и сравниют русских с русскими!» (*Ульянов, 1901: 82*). И восхваляющая казачество цитата из немецкого военного писателя явно должна была ему льстить и служить аргументом при спорах с русскими офицерами.

Эта цитата крайне любопытна еще и как едва ли не первое в донской историографии обращение к актуальной европейской военной литературе. В дальнейшем данная тематика получила развитие в творчестве Н.И. Краснова (кстати, сына И.И. Краснова, бывшего одно время другом И.С. Ульянова), который даже опубликовал статью «Немецкие военные писатели о казаках» (*Краснов, 1877*). Выписка из Г.В. фон Валентини ближе к его предисловию к «Военному обозрению Земли Донского Войска», в котором полторы страницы отводилось цитатам из брошюры некоего Бенкендорфа «Des cosaques et de leur utilité à la guerre». Даже начало этих цитат во многом повторяло по стилистике и смыслу начало текста, выписанного И.С. Ульяновым: и там и там казаки сопоставлялись с регулярной кавалерией не в пользу последней и описывались самым комплементарным

образом положительные качества казачьих частей. «В службе аванпостной казаки неподражаемы и никакой регулярной кавалерией заменить их невозможно. С волчьим взглядом и чутьем – они неутомимы, деятельны, верны службе, терпеливы в нужде, и чрезвычайно кротки и послушны» (Краснов, 1870: XI). Любопытно, что автором французской брошюры, по сведениям А.И. Сапожникова, был русский генерал, еще один герой наполеоновских войн К.Х. Бенкендорф, однако вышла она в Париже в 1831 г. (Сапожников, 2011: 214). Более того, в отечественных источниках о К.Х. Бенкендорфе нам не встречались упоминания о этой брошюре, хотя другим его произведениям, вышедшим в России, уделяется определенное внимание (Военная энциклопедия, 1911а: 471). Таким образом, скромная цитата в рукописи И.С. Ульянова положила начало одному из второстепенных направлений в донской историографии, а выбранный им текст был достаточно характерным для этого направления, как тематически, так и в плане выбора автора, в свое время находившегося на русской службе, однако писавшего свои основные труды на иностранном языке.

Цитата И.С. Ульянова интересна и в связи с исследованием судьбы творчества Г.В. фон Валентини в России. Дело в том, что этот немецкий автор был достаточно популярен в николаевскую эпоху. В 1836 г. в Санкт-Петербурге даже вышел перевод на русский язык книги немецкого генерала «Обозрение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского, против турок в Азии». В этом издании было так же опубликовано предисловие переводчика, российского полковника Лахмана, в котором отмечалось, что «сочинение генерала Валентини содержит много погрешностей, анахронизмов, неверностей», но одновременно подчеркивались «верность и справедливость суждений» иностранного автора (Валентини, 1836: без страницы). «Справедливость» эта, по-видимому, заключалась в общем русофильском тоне работы: как писал Лахман, «генерал Валентини первый из иностранных писателей постиг все затруднения и все достоинство сих достопамятных походов и первый воздал должную дань справедливости неустрашимому Закавказскому корпусу и должную дань удивления их великому полководцу» (Валентини, 1836: без страницы). Как мы видим, и для донского казака, и для русского офицера тексты Г.В. фон Валентини имели особое значение не из-за своей фактографической части, но благодаря общему благожелательному по отношению к России тону, символизируя определенное признание военных заслуг российской армии в целом и донского казачества в частности иностранцами.

Второе определение казачества для своего импровизированного словаря было взято И.С. Ульяновым «из Истории Шрека» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 61об). Очевидно, речь идет о книге Иоганна Матиаса Шрека «Древняя и новая всеобщая история Шрека, дополненная кратким повествованием о последних событиях нашего времени», неоднократно издававшейся на русском языке в начале XIX в. (Шрек, 1836). На этот раз свидетельство иностранца было нужно И.С. Ульянову для того, чтобы опровергнуть «негативные» варианты происхождения самого слова «казак».

«Казак имя означало в древности: вольницу, наездников, удальцов, но не разбойников, как несправедливо утверждают некоторые, ссылаясь на лексикон турецкий» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 52).

Мы полагаем, что данный отрывок почти не нуждается в комментариях: понятно, что для И.С. Ульянова, крайне болезненно воспринимавшего «оскорбительные имена», придуманные русскими офицерами для казаков, было неприемлемо производить слово «казак» от турецкого «разбойник». И свидетельство очередного иностранного автора против такого оскорбительного утверждения было заботливо сохранено донским писателем. Отметим лишь, что для И.С. Ульянова уподобление казаков именно разбойникам было особенно болезненным: дело в том, что во время подавления Польского восстания 1830-1831 гг. он видел, как русские офицеры отдавали казакам приказы проводить незаконные реквизиции у местного населения. «Посредство казаков было необходимо, ибо имя грабителя по обыкновению упало бы на сих последних, а офицеры, воспользовавшись вещью, остались бы людьми честными. Цель благородная!» (Ульянов, 1902: 59). Не менее интересно и другое: если из творчества Г.В. фон Валентини он сделал только одну выписку, то к «Истории Шрека» И.С. Ульянов обращался неоднократно, черпая из нее знания по ранней истории казачества.

«Дон во времена нашествия Дария на Скифов назывался Тинаисом (в рукописи именно в таком правописании – А.П.)» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 52).

«Сарыязман, вождь Донских Казаков, в 1549 году именуясь подданным Иоанна IV, строил крепости на Дону, и сделался опасным для Магометанских владений» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 52об).

Как мы видим, будущий генерал интересовался историей казачества XVI в. Однако в его собственных работах 1820-1830 гг. отсылок к столь далекому прошлому Дона почти нет, а те, что имеются (о них мы будем говорить ниже) носят крайне обобщенный характер и не могут быть привязаны к конкретному столетию. Возможно, это было осознанным решением И.С. Ульянова, по крайней мере, одна из неопубликованных помет к «Отрывку из памятных записок NN» сформулирована следующим образом: «Подвиги и нравы Ермака, как и подвиги и нравы современных ему Донцов, еще не объяснены. К чему главных ошибок так называемых историков, даже самого Карамзина, принадлежит то, что о сем народе и удивительном Атамане его судят по нынешним понятиям, а некоторые едва ли не по Своду Законов, в 1834 г. выпущенному. Донцы, в этом отношении, составляют, некоторым образом, русский санскритизм, для объяснения которого необходимо ожидать появления Иоакинфов (очевидно, очередная неточность И.С. Ульянова – «Иоакинф» (архимандрит Иакинф, в миру Н.Я. Бичурин) был не санскритологом, а синологом, чьи труды издаются и по сей день (Бичурин, 2016) – А.П.)» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 41-41об). Как мы видим, донской автор крайне скептически относился к созданным к 1830 гг. исследованиям ранней истории казачества, и полагал, что тайны этой эпохи будут раскрыты только в будущем, настоящему выдающимся автором. И вполне возможно, что, не считая себя таким автором, И.С. Ульянов старался о далеком прошлом донских казаков сам не писать – но в своем импровизированном словаре возвращался к этому времени снова и снова.

Как ясно из приведенной выше цитаты, из всех «так называемых историков» донской автор несколько выделял в лучшую сторону Н.М. Карамзина. И действительно, в его словаре приводятся выписки из этого автора о ранней истории казачества, крайне комплементарные по отношению к казакам. Хотя эти выписки приводятся не к слову «казачество», но к отдельным страницам из «Истории Государства Российского», по сути мы имеем дело со все теми же позитивными «определениями» казачества. Например, первая цитата из Н.М. Карамзина начинается следующим образом: «Но важнейшим страшилищем для варваров и защитой для России между Азовским и Каспийским морем сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами; людей неутомимых в ратном деле, природных конников и наездников, иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои – говорим о славных донских казаках» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 68). Любопытно, что это же место из «Истории Государства Российского» и поныне часто приводится донскими историками, желающими отметить положительную роль казачества в истории России. Его воспроизводят в своих работах такие разные личности, как, например, самоучка начала XX в. Е.В. Савельев (Савельев, 2010: 24), производивший казаков от древних ариев, и авторитетный современный историк, профессор ЮФУ А.И. Агафонов (Агафонов, 2004). Вторая цитата из Н.М. Карамзина, напротив, заканчивается такими словами: «Тогдашнее время (конец XVI в. – А.П.) было самым цветущим в истории наших донских или волжских казаков-витязей. От Азова до Искера гремела слава их удалства, раздражая Султану, грозя Хану, смиряя Ногаев, утверждая влияние московских венценосцев над севером Азии» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 72-72об).

Исходя из всего вышеизложенного, можно предположить, что И.С. Ульянова особенно раздражало в трактовке историками казаков XVI в. уподобление последних разбойникам («о сем народе и удивительном Атамане его судят по нынешним понятиям, а некоторые едва ли не по Своду Законов»). Как мы уже писали, именно это сравнение было особенно болезненным для донского офицера. Между тем тот же Н.М. Карамзин, не отрицая заслуг Ермака, писал о нем именно как о разбойнике. Так, знаменитый историк характеризовал завоевателей Сибири следующим образом: «Малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти и благородною любовью к славе» (Карамзин, 1821: 370).

А лично Ермак вообще был удостоен в «Истории Государства Российского» нелецеприятного звания «беглого атамана волжских разбойников» (Карамзин, 1821: 371).

Нам остается констатировать, что и при общей характеристике казачества, и при описании его ранней истории И.С. Ульянов допускал только безусловно-положительные тона. В первом случае несогласных с ним людей донской автор обвинял в «кривых толках» и «оскорблениях», противопоставляя им тщательно подобранные высказывания иностранных авторов. Во втором ему приходилось значительно сложнее, поскольку приходилось противостоять мнению наиболее авторитетных русских историков, включая Н.М. Карамзина (к которому и сам И.С. Ульянов относился уважительно, защищая его от критики Н.А. Полевым (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 158-159об)). Но и здесь будущий генерал нашел выход из положения: он объявил изучение ранней истории казачества сложнейшей задачей, «русским санскритизмом», ждущим того, кто сумеет по-настоящему понять деяния и тайны современников Ермака. А пока этого не произошло, И.С. Ульянов принимал из исторических сочинений о ранней истории донского казачества только избранные отрывки, соответствующие его некритическому взгляду на прошлое своего сословия.

После всего, изложенного нами, читатель едва ли сочтет удивительным, что свое наиболее изобилующее историческими отсылками сочинение раннего периода, «Отрывок из памятных записок NN», И.С. Ульянов написал непосредственно после выхода из польского плена. Архивный вариант «Отрывка...» сам автор датировал 15 ноября 1831 г. (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 25). Между тем освобожден русскими войсками И.С. Ульянов был почти ровно за два месяца до этого, 14 сентября 1831 г. (Ульянов, 1901: 60). Как мы писали выше, в плену он был вынужден контактировать с русскими офицерами, придерживавшимися критических взглядов на казачество. Разумеется, отношение многих поляков к пленному казаку тоже оставляло желать лучшего: ему пришлось столкнуться не только с относительно невинным незнанием деталей русской истории, но и откровенным унижением. «Поляки приняли нас как отверженных человечеством, и, не довольствуясь наглыми выходками, всеми видами клеветы и ругательства, изобретенными только бешеною злобою, не стыдились даже назначать нам в глаза все известные казни, которые определяются только извергам, разрушающими все условия общества и потому лишаящимся покровительства законов» (Ульянов, 1901: 88). В подобных условиях именно воспоминания о спокойствии родного края преследовали и мучали И.С. Ульянова. Он вел дневник, впоследствии включенный в его «Записки», и, например, 21 августа 1831 г. сделал следующую запись: «Я провел прошедшую ночь без сна: на меня напало грустное раздумье. Ночь была самая прекрасная: на небе чисто и светло; но не таково на моем сердце. Эта ночь в прошлом году была первою, которую провел я в Усть-Медведицкой станице; год назад тому я был в кругу семейства, среди родных своих. Память сердца сохранило все случаи, все минуты, все домашние занятия, услаждавшие быт мой на милой родине...» (Ульянов, 1901: 91).

И поэтому неудивительно, что И.С. Ульянов испытывал совершенно особые чувства, когда его освободили из польского плена именно казачьи части. «Несмотря на разнообразие одежды, которая расстреляна была пулями или являла следы партизанских вылазок бивуачного огня, несмотря на загорелые лица, опаленные усы и брови, мы видели, казалось, в казаках витязей Гомера. Самое даже проворство, с каким они окружали артельный котел и простирали победоносные длани к предлежащим яствам доказывали близость этого сравнения. Недостаток лишь... в Гомере; но в Опатовце (место заключения И.С. Ульянова – А.П.) ли думать о Гомере?» (Ульянов, 1902: 58). Однако радость И.С. Ульянова была омрачена поведением части русских офицеров, включая одного из тех, что прежде оскорблял донское казачество, которые как раз тогда и начали требовать проведения незаконных реквизиций руками рядовых казаков (Ульянов, 1902: 59). Ощущение неценности заслуг казаков у донского автора только усилилось в дальнейшем, во время путешествия в Варшаву. «Можно ли быть равнодушным, видя казаков, имеющих оружие разного вида и калибра, отрепанных, на изнуренных лошадях, участвующих во всех опасностях войны и не получающих никаких наград, которые бы отличали службу, не получающих ни провианта, ни фуража, ни жалования (в свое время), ни даже боевых снарядов, наконец, употребляемых везде, по прихоти каждого пехотного прапорщика и за всем тем носящих имя самое поносное, или грабителей! Лестна ли в таком состоянии служба для человека, которому натура не отказала ни в чувствах, ни в понятиях!» (Ульянов, 1902: 62).

И поэтому И.С. Ульянов решил сам стать «Гомером» для казаков, насколько это позволяли ему природные таланты. «Отрывок из памятных записок NN» начинался следующим образом: «Во время минувшей войны с Польскими мятежниками меня приводила в удивление ненависть их к Казакам, хотя я, впрочем, не забывал пословицы: что у кого болит, тот о том и говорит; и Поляки, разумеется, участвовавшие более в делах, нежели в шумных, непотребных пиршествах, отдают теперь всю справедливость насчет боевой казачьей службы» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 25). Затем донской автор призывал и читателей воздать подобную «справедливость» казакам, отказавшись от «ложных мнений» о них (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 25). В итоге, борясь за эту «справедливость», И.С. Ульянов написал произведение достаточно неопределенного жанра: это, безусловно, были не воспоминания, потому что мемуарная составляющая в них отсутствовала, скорее смесь публицистической статьи и проекта реформы казачьих войск, с постоянными отсылками к истории.

Эти отсылки были нужны для того, чтобы показать читателю «заслуги казаков», и он мог судить о них «без предубеждений, не по отношениям частным или личным и не по вероятности» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 25-250б). Сформулировав таким образом цель своей работы, И.С. Ульянов решил в первую очередь опровергнуть «ложное мнение», согласно которому казачьи части «кроме аванпостной службы и малых схваток с неприятельской кавалерией» не были «способны ни к какому важнейшему делу» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 25-250б). В подтверждение этого своего тезиса он ссылаясь на опыт русско-турецких войн и Отечественной войны 1812 г. в изложении Д.В. Давыдова. При этом характерно, что педантичный И.С. Ульянов указал не только книгу «знаменитого партизана» («Опыт теории партизанского действия»), но и конкретные страницы, на которых находился полностью переписанный, подобно «определениям» в словаре, отрывок о способности казаков «на прямые удары противу устроенного регулярного неприятеля» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 250б-26). А затем, чтобы подтвердить правоту своего предшественника, донской автор переходил от прошлого к настоящему, описывая отдельные эпизоды Польского восстания 1830-1831 гг., в которых участвовали казаки (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 26-27). Возможно, с исторической части зрения именно эта часть «Отрывка...» наиболее содержательна, поскольку в ней И.С. Ульянов описывал конкретные события, пытаясь быть максимально объективным. Сам он писал по этому поводу: «Я говорю об одних Пимонова, Ильина и Хоперского полках потому единственно, что насчет действий их, мною приводимых, имел случай почерпать сведения из верных источников, которыми весьма дорожу, между тем как о других полках должно было бы писать по одним общим слухам, так часто искажающим истинные события» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 260б-27). Тем не менее, как источник по истории Польского восстания 1830-1831 гг. рукопись И.С. Ульянова крайне малоценна: даже в этом ее месте не приводится ни деталей действий казачьих полков, ни вообще каких-либо подробностей сражений, зато доминируют типичное для И.С. Ульянова восхищение казачеством и риторические приемы. Упоминается всего три боя, под селом Раков и местечками Рахов и Скальмирж, причем только второй из этих боев датирован, а про последний сообщается только, что в нем «упомянутые Пимонова и Ильина, а так же Хоперского полки вместе с конно-егерями и уланами поражали пехоту из корпуса мятежников под командой Рожицкого» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 260б). Зато по итогам описания этих трех боев И.С. Ульянов делает крайне обобщающий и сомнительный вывод, кстати, не имеющий отношения к основной теме его рукописи, о том, что разгром корпуса Рожицкого «возвышает прочную славу воинскую генерала Красовского, действовавшего совершенно в духе русском, суворовском» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 260б). Между тем даже в официозном «Столетии Военного Министерства» эти события трактуются без особенного пафоса: в биографии А.И. Красовского написано только, что он «действовал против корпуса Ромарино, вытеснил его в Галицию, разбил отряды (не корпуса – А.П.) Каменского и Рожицкого и взял Краков» (Столетие, 1907: 158). В любом случае, все эти примеры были нужны И.С. Ульянову в первую очередь для того, чтобы резюмировать: «Без сомнения казаки, по природной склонности к наездничеству, более показали опытов в аванпостовой службе; однако непонимаемо почему бы можно было лишать их равной способности и к другому роду службы, лишать тогда, когда они имеют за собою доказательства, на самих делах основанные» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 270б).

Опровергнув «ложное мнение» о неспособности казаков к «важным делам», И.С. Ульянов переходил к следующему распространенному заблуждению о них. Он не соглашался с тем, что «теперешнее устройство и особенно способ употребления» казачьих полков «отвечают вполне пользам службы и способностям казаков» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 270б). И снова он начинал с апелляции к опыту признанного авторитета, на сей раз Г. Жомини, утверждавшего, что казаки обладают некими способностями, делающими их «опаснейшим врагом для всех соображений полководца неприятельского» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 28). Однако, по мнению И.С. Ульянову, несмотря на «всю великую пользу, приносимую Отечеству казачьей службой», система службы казаков в настоящее время разрушала те их способности, о которых писал Г. Жомини (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 28). И в доказательство этой мысли И.С. Ульянов снова обращался к историческому опыту, хотя и менее конкретизированно: «Загляните в реляции: стоят ли казаки наравне с линейными войсками? Нет, или весьма редко. Казак всегда в виде частном, в виде исключений. Сему и удивляться не должно: ибо казачий полк, разбросанный по штабам и лицам и расквартированный в партии, вступает в общее дело, доставляющее войску славу решительного успеха, частью не только в половинном составе, но нередко и того меньше» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 280б). Между тем основная служба казаков, та самая аванпостная, о которой шла речь в первой части «Отрывка...» и о которой обычно не упоминалось в реляциях, была не только важна, но и очень тяжела: казакам приходилось «провести в сем роде службы, и в стране, какова, например, Турция, целые месяцы бессленно, не имея часто ни провианта, ни фуража, и испытывать все перемены воздуха и выдерживая беспрестанные нападения неприятеля» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 29). И такое положение дел медленно, но неизбежно разрушало воинский дух казачества: «Сколь прискорбно слушать кривые толки о казачьей службе, и сколь обидно для народного любочестия!» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 290б). Очевидно, что помимо исторического опыта эти строки основывались и на опыте личном. Напомним, что в своих «Записках» будущий генерал перечислял те же самые проблемы казачьих полков, после чего восклицал: «Лестна ли в таком состоянии служба для человека, которому натура не отказала ни в чувствах, ни в понятиях!».

Мы не будем останавливаться детально на тех формах казачьей службы, которые считал нужным ввести И.С. Ульянов. Обратим внимание только на то, что соответствующий раздел «Отрывка...» хорошо показывает, для чего, кроме защиты чести казачества донскому автору была нужна история: он обращался к ней, пытаясь решить проблему современную, проблему более эффективной организации казачьих полков, но выводя эту организацию из «духа времени, духа народа и духа теперешней службы» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 31). И попытки уяснить этот «дух народа» заставляли И.С. Ульянова снова и снова обращаться к историческим примерам, цитировать Д.В. Давыдова, и давать такой очерк исторического развития казачьих военных частей: «Век, когда первую добродетель воина составляла неукротимая дерзость в наездничестве – это зверское исступление души самоотверженной и в решительную минуту чуждой, так сказать, всякого человеческого чувства, всякой зависимости, уже прошел для Казаков. Самый быт гражданский заронил в них понятия более общественные, а привычка к порядку в домашней жизни приготовила их некоторым образом и к порядку в военном отношении, хотя, впрочем, Казаки, по замечанию того же Писателя-Воина (Д.В. Давыдова – А.П.) сохранили еще в достаточной силе и пылкость и ловкость наездников» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 31-310б). А уже исходя из этого «духа народа» казаков, соединяющего качества дикости и порядка, герой нашей статьи приходил к мысли о особых способностях казаков, исключительно из которых можно было «устроить такую конницу, которая бы с пылкостью азиатскою соединяла стройность европейскую» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 310б). Впрочем, и здесь И.С. Ульянов ограничивался этими достаточно общими положениями, не детализируя свои исторические концепции.

Поскольку дальнейшая часть «Отрывка...» подробно рассказывает о тех реформах казачества, которые должны были создать из казаков войско, соединяющую достоинства европейской кавалерии и азиатской конницы, исторических отсылок в ней заметно меньше. Они носят отрывочный характер, и интересны скорее для понимания того, какими еще источниками пользовался И.С. Ульянов. Так, при рассмотрении вопроса о необходимости составления для казаков неких «правил оборотов», он приводил свидетельства

В.Д. Сухорукова о существовании некогда особых военных игр в станицах, которые предлагал восстановить и на их основе выработать эти правила (любопытно, что исходя из «Отрывка...» И.С. Ульянова, к 1830 г. эти игры отошли уже в глубокое прошлое) (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 330б). Разбирая вооружение казаков, донской офицер ссылаясь на замечания некоего англичанина, опубликованные в «Северной пчеле» 1828 г. № 136, замечания, разумеется, снова самые комплементарные: в них говорилось о остроумии и сметливости казаков, «о коих другие не имеют почти понятия» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 35). А в качестве иллюстрации того, как должны были бы выглядеть перевооруженные казачьи части, И.С. Ульянов снова обращался к Отечественной войне 1812 г., приводя, однако, на сей раз не исторический пример, но посвященные ей стихи В.А. Жуковского:

«Они лишь к лесу – ожил лес,

Деревья сыплют стрелы!

Они лишь к мосту – мост исчез!

Лишь к селам – пышут села!» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 350б).

Только в тематическом разделе «Отрывка...» о необходимости уравнивать жалование казачьих и армейских офицеров отсутствовали ссылки на исторические факты и наблюдения (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 350б-360б). Зато затем, обращаясь к вопросу о необходимости введения единой формы казачьих полков, И.С. Ульянов снова цитировал В.Д. Сухорукова, объясняя крайнюю неопрятность казаков на службе при аккуратности и чистоте в быту (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 37-370б). На основании этой цитаты он делал следующий вывод: «Кзаки и в древности любили наряжаться только во время жизни домашней; но на поиски ходили в самой дурной одежде, для того, говорили они, чтобы не возбуждать корыстолюбия неприятеля» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 37). И даже завершалась работа И.С. Ульянова отсылкой к авторитету Ермака, которого должны были быть достойны современные казаки (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 41).

Как мы видим, «Отрывок из памятных записок NN» трудно назвать выдающимся историческим произведением в обычном смысле этого слова. Исторические факты и наблюдения, приводимые в нем, или не содержат конкретики, или принадлежат другим авторам, оставившим заметно более глубокий след в российской историографии: Д.В. Давыдову и В.Д. Сухорукову. Более того, И.С. Ульянов фактически не выполнил той задачи, которую ставил в начале работы: он собирался развенчивать «ложные мнения» о казаках, но фактически делал это только в первых двух тематических блоках своего текста, в соответствии с этой задачей и наиболее наполненных историческим материалом, а затем обратился к рассмотрению актуальных проблем донских полков и предложению вариантов их решения. При этом едва ли именно «ложные мнения» о негодности казаков к «важнейшим делам» и эффективности системы организации их полков мешали воздать «справедливость» в адрес казачества. Если И.С. Ульянов хотел преодолеть ненависть к казакам со стороны поляков и презрение со стороны русских офицеров, следовало, скорее, сконцентрироваться на разрушении мифов о жестокости казаков и их склонности к разбою. Однако этого вопроса он касался только в самом конце своего текста, причем не слишком уверенно (очевидно зная о реальных случаях мародерства): «я совершенно чужд намерения писать казакам похвальное слово, зная, что среди них, как и среди всякого войска, есть хорошие и дурные люди» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 380б); «часто даже самый худой поступок их по здравому понятию должен быть отнесен к другим» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 390б).

Однако мы считаем «Отрывок...» выдающимся произведением в том отношении, что он, как и импровизированный словарь И.С. Ульянова, предвосхитил многие тенденции донской исторической науки, в первую очередь официальной историографии второй половины XIX в. Это касается самого подхода к истории: как мы видим, казачьего автора она интересовала не сама по себе, но в связи с актуальными проблемами современности, например низким статусом казаков в глазах русских офицеров и поляков или неэффективной организацией казачьих полков. Аналогичный подход был характерен для большинства исторических произведений крупной формы, создававшихся донскими исследователями в 1860-1890 гг.: это были историко-статистические описания, призванные выполнить прагматическую задачу знакомства чиновников и военных с краем (Краснов, 1863; Краснов, 1870; Номикосов, 1884). Даже в 1899 г. военный министр Российской

империи А.Н. Куропаткин следующим образом формулировал задачу исторических исследований о прошлом казачьих войск: после их создания «легче будет без ошибок и сомнений решать все вопросы, определяющие будущее каждого из казачьих войск в отдельности, и всех вместе» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 4. Л. 1-106). Для сравнения, более академический подход В.Д. Сухорукова, создавшего отдельные статистическое и историческое описания Земли Войска Донского (Сухоруков, 1891; Сухоруков, 2001), причем последнее было доведено только до первого десятилетия XVIII в., не вызвал подражаний.

Темы, поднятые И.С. Ульяновым в «Отрывке...», так же были продолжены позднейшими историками. Тематически и здесь к нему ближе всего оказался Н.И. Краснов. Этот донской автор развивал, например, в своих сочинениях мысль старшего современника о том, что «способ употребления» казачьих полков разрушает боевой дух казаков: «Причина упадка воинственности казаков заключалась в сильном развитии регулярной кавалерии. <...>. Этим последним (казакам – А.П.) остались обязанности самые низшие в армии, а именно – должности таможенной стражи, фуражиров, конюхов, казаки же составляли партии для препровождения обозов, в военное время – пленных, а в мирное – для препровождения арестантских партий и ссыльных» (Краснов, 1870: XV). Очень важной для Н.И. Краснова была и идея о разрушении «гражданским бытом» воинственности казаков, из которой он делал далеко идущие выводы и писал: «на нем (казаке – А.П.) постоянно лежат две обязанности: *гражданина*, заботящегося о средствах к своему и своего семейства существования, и *воина*, которого ремесло редко может принести пользу в хозяйстве. Противоположность этих двух занятий неминуемо должна отразиться на казаке, и, чем материальное положение его на родине выше, тем менее оно будет годно к военной службе (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1870: XIII). Наконец, позднейший донской автор подчеркивал, подобно И.С. Ульянову, что казаки способны не только к «аванпостной службе и малым схваткам с неприятельской кавалерией»: «Донские конные полки и конно-артиллерийские батареи действуют уже на основании строго определенного устава, и в последнее время для обучения прикомандированы к кавалерийским дивизиям, так что обыкновенно принятое наименование «иррегулярная кавалерия» не должно применяться к донским казакам» (Краснов, 1870: X).

Другие авторы так же обращались к темам из «Отрывка...», хотя и в меньшей степени. Например, вопрос о необходимости введения особого устава для казаков активно обсуждался на страницах «Военного сборника» в 1860 г., причем одна из статей на этот счет была подписана «Есаул» (псевдоним известного казачьего историка И.Д. Попко) (Есаул, 1860). Отец Н.И. Краснова, И.И. Краснов, посвятил специальную работу истории обучения молодых казаков военной службе (И.К., 1865). Но, вероятно, чаще всего в позднейшей историографии встречалась все же мысль о вреде устроенного гражданского быта для казачьей службы, которую И.С. Ульянов сформулировал одним из первых, еще в 1830 г. Помимо Н.И. Краснова, об этом писал, например, не-казак по происхождению Н.А. Маслаковец, который в своей так и неопубликованной истории Оренбургского войска, созданной в начале 1860 г., отзывался о казаках следующим образом: «Гражданский порядок убивал в них прежнюю удаль, а благотворные плоды цивилизации, превращая их в мирных граждан, делали для них прежнюю жизнь и занятия тяжким бременем, с трудом ими впоследствии переносимым» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98. Л. 360б).

Таким образом, то из ранних сочинений И.С. Ульянова, в котором было больше всего отсылок к донской истории, «Отрывок из памятных записок NN», можно считать знаковым для донской официальной историографии. Оно предвосхитило ряд историко-статистических и историко-военных работ, посвященных актуальным проблемам казачества и вышедшим в свет под эгидой властных органов Российской империи или на страницах официальной военной прессы в 1860-1890 гг. И.С. Ульянов предвосхитил и подход, характерный для этих работ, в которых события прошлого рассматривались как ключ к тенденциям настоящего, и те темы, которые раскрывали будущие историки. При этом, судя по всему, рукописи героя нашей статьи были им не известны. Поэтому, если сходство позднейших исследований с работами В.Д. Сухоруковым объясняется влиянием выдающегося историка на последующие поколения (Н.И. Краснов, например, честно признавал, что книги В.Д. Сухорукова были главным источником исторической части его работ, и порой списывал их дословно (Коршиков, Королев, 2001: 14), то в случае с

И.С. Ульяновым подобное объяснение не подходит. Скорее, донской генерал был типичной фигурой, не выделяющейся из числа других донских историков-любителей ничем, кроме времени своего творчества (по крайней мере, пока речь шла о истории казачества). В результате, и в поиске исследовательских проблем в этой области, и в их разрешении он не выделялся бы из основной массы донских авторов XIX в., но начал свое творчество заметно раньше их.

4. Заключение

Что же, на основании всего вышеизложенного, можно сказать о трактовке И.С. Ульяновым истории донского казачества в 1820-1830 гг.? Его взгляд был взглядом изнутри, взглядом казака, для которого, судя по всему, осознание своей идентичности, причем идентичности положительно окрашенной, становилось принципиально значимым только при столкновении с носителями идентичности чужой, русскими офицерами или поляками. Для своего импровизированного словаря он выписал два «определения» казаков, предложенные иностранными авторами (Г.В. фон Валентини и И.М. Шреком): одно откровенно хвалебное, а второе отрицающее происхождение слова «казак» от турецкого «разбойник». Наконец, единственная ранняя оригинальная рукопись И.С. Ульянова с постоянными отсылками к истории донского казачества была написана вскоре после освобождения из польского плена, и начиналась со строк о «ненависти» большинства поляков к казакам и «справедливости», которую воздает им меньшинство. Кроме столкновений с «чужими», вспомнить о казачьей истории донского исследователя мог заставить еще поиск ответов на актуальные вопросы современности, но сама по себе она И.С. Ульянова, по-видимому, интересовала умеренно.

Разумеется, при таком подходе И.С. Ульянов не создал ни какой-либо концепции истории казачества, ни даже просто сколько-либо развернутого и последовательного ее описания. Однако его рукописи раннего периода не редко содержат отсылки к этой истории, причем их больше всего в «Отрывке из памятных записок NN». В данном сочинении, призванном развеять у читателей «ложные мнения» о казачестве и предложить лучшие формы организации казачьих полков, автор почти каждую свою мысль обосновывал историческими примерами, иногда даже несколькими. Подобный подход в дальнейшем часто использовался донскими авторами, причем некоторые из них (И.И. Краснов, Н.И. Краснов, а так же происходившие из-за пределов войска И.Д. Попко и Н.А. Маслаковец) даже обращались к тем же проблемам, что и И.С. Ульянов. Однако большая часть этих проблем не относилась к истории: так, и герой нашей статьи и его младшие современники писали о проблемах военной подготовки казаков, о необходимости введения для них специального устава и падении боевого духа в казачьих частях и т.п. Не касаясь того, насколько эффективны были те решения этих проблем, которые предлагал И.С. Ульянов, оговорим, что собственно исторические примеры, приводимые им, либо были взяты у других авторов (Д.В. Давыдова и В.Д. Сухорукова), либо носили общий характер и не содержали особенно новой для подготовленного читателя информации (например, будущий генерал отмечал, что казачьи полки обычно действовали не в полном составе, а аванпостная служба в Турции была тяжелой). Поэтому собственно научная ценность раннего творчества И.С. Ульянова незначительна (по крайней мере, если рассматривать это творчество с точки зрения исследователя донского казачества). Однако это творчество ценно как историографический памятник, поскольку некоторые решения и идеи, предложенные как в «Отрывке...», так и в импровизированном словаре И.С. Ульянова позже стали типичны для донской официальной историографии второй половины XIX в.

Соответственно, история казачества трактовалась И.С. Ульяновым крайне обобщенно, с минимумом деталей. В частности, он писал о том, что в прошлом Донского войска был «век, когда первую добродетель война составляла неукротимая дерзость», но к его времени казаки изменились, так как «самый быт гражданский заронил в них понятия более общественные». Однако И.С. Ульянов не пояснял, ни в какое время это произошло, ни какие решения донских атаманов и российского правительства привели к развитию на Дону «гражданского быта». Более того, он рассматривал историю казачества, по крайней мере, раннюю, как «русский санскритизм, для объяснения которого необходимо ожидать появления Иоакинфов», причем сам на роль подобного «Иоакинфа», очевидно,

не претендовал. Созданная И.С. Ульяновым упрощенная картина исторического прошлого казаков не предусматривала у них никаких серьезных отрицательных черт, особенно же его возмущало сравнение казаков с разбойниками. Максимум, он упоминал о их неопрятности на службе, тут же, впрочем, оправдывая эту неопрятность исторической традицией и нежеланием «возбуждать корыстолюбия неприятеля». Зато для характеристики положительных качеств донского казачества в прошлом, настоящем и предполагаемом будущем И.С. Ульянов приводил даже стихи В.А. Жуковского. Впрочем, и здесь он в чем-то превосходил определенные тенденции официальной историографии донского казачества: через много лет после написания «Отрывка из памятных записок NN», в 1909 г. П.Н. Краснов выпустит «Картины былого Тихого Дона», насыщенные комплементарными по отношению к казачеству стихами и содержащими такое, например, риторическое восклицание: «Быть Донским казаком! Какое великое это счастье!» (Краснов, 1909: 521).

Литература

- Агафонов, 2004 – Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах: из истории пожалований, наград, знаков отличия XVI – начала XX в. Ч. 2 // *Донской временник*. 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/1/art.aspx?art_id=103 (дата обращения: 27.11.2018).
- Бичурин, 2016 – Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы обычаи, просвещение. М., 2016. 446 с.
- Валентини, 1836 – Валентини Г.В., фон. Обзорение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского, против турок в Азии. СПб., 1836. 86 с.
- Военная энциклопедия, 1911a – Военная энциклопедия. Т. IV. СПб., 1911. 320 с.
- Военная энциклопедия, 1911b – Военная энциклопедия. Т. V. СПб., 1911. 320 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Есаул, 1860 – Есаул. О строевом образовании казаков // *Военный сборник*. 1860. № 10. С. 333-360.
- И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73-89.
- Карамзин, 1821 – Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. 472 с.
- Коршиков, Королев, 2001 – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.
- Краснов, 1877 – Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // *Русский инвалид*. 1877. № 73. С. 3-4.
- Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- Мининков, 2010 – Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // *Терминология исторической науки. Историописание*. М., 2010. С. 266-285.
- Морозова, 2007 – Морозова О.М. «Выдающийся донец»: генерал-майор И.С. Ульянов // *Человек второго плана в истории*. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2007. С. 308-327.
- Морозова, 2010 – Морозова О.М. Групповой портрет в интерьере канцелярии // *Relga. Научно-культурологический журнал*. 2010. № 15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2753&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 27.11.2018).
- Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Савельев, 2010 – Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2010. 480 с.

Савчук, 2004 – *Савчук Г.В.* Василий Михайлович Пудавов – забытый историк донского казачества // *Донской временник*. 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/4/art.aspx?art_id=891 (дата обращения: 27.11.2018).

Сапожников, 2011 – *Сапожников А.И.* Освобождение русскими войсками Берлина в феврале 1813 г. // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2011. № 5. С. 212-225.

Столетие, 1907 – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. III. Отд. 4. СПб., 1907. 781 с.

Сухоруков, 1891 – *Сухоруков В.Д.* Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822-1832 годах. Новочеркасск, 1891. 302 с.

Сухоруков, 2001 – *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. 516 с.

Ульянов, 1901 – *Ульянов И.С.* Записки И.С. Ульянова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новчеркасск, 1901. С. 60-95.

Ульянов, 1902 – *Ульянов И.С.* Записки И.С. Ульянова // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новчеркасск, 1902. С. 53-82.

Шрек, 1836 – *Шрек И.М.* Древняя и новая всеобщая история Шрека, дополненная кратким повествованием о последних событиях нашего времени. СПб., 1836. 512 с.

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.14. Is. 2. Pp. 94-107.

References

Agafonov, 2004 – *Agafonov, A.I.* (2004). Donskie kazaki. Grud' v krestakh: iz istorii pozhalovanii, nagrad, znakov otlichiya XVI – nachala XX v. Ch. 2 [Don Cossacks. Crosses on the chest: from the history of the awards, medals, insignia of the XVI – beginning of XX century. Part 2]. *Don vremennik*. [Electronic resource]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/1/art.aspx?art_id=103 (reference date: 27.11.2018) [in Russian]

Bichurin, 2016 – *Bichurin, N.Ya.* (2016). Kitai, ego zhiteli, nrawy obychai, prosveshchenie [China, its inhabitants, customs, education]. М., 2016. P. 446. [in Russian]

Valentini, 1836 – *Valentini, G.V., fon.* (1836). Obozrenie glavneishikh deistvii general-fel'dmarshala knyazya Varshavskogo, grafa Paskevicha-Erivanskogo, protiv turok v Azii [Review of the main actions of Field Marshal Prince of Warsaw, Count Paskevich-Erivanski, against the Turks in Asia]. SPb. P. 86 [in Russian]

Voennaya entsiklopediya, 1911a – *Voennaya entsiklopediya. Military Encyclopedia*. Т. IV. SPb., 1911. P. 320. [in Russian]

Voennaya entsiklopediya, 1911b – *Voennaya entsiklopediya. Military Encyclopedia*. Т. V. SPb., 1911. P. 320. [in Russian]

GARO – State archive of the Rostov region.

Doncy, 2003 – *Doncy XIX veka* [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]

Esaul, 1860 – *Esaul.* O stroevom obrazovanii kazakov [About the military education of the Cossacks]. *Voennyyi Sbornik*. 1860. №10. pp. 333-360. [in Russian]

I.K., 1865 – *I.K.* Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyyi Sbornik*. 1865. №1. pp. 73-89. [in Russian]

Karamzin, 1821 – *Karamzin, N.M.* (1821). Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo [History Of The Russian State]. Vol. IX. SPb. P. 472. [in Russian]

Korshikov, Korolev, 2001 – *Korshikov, N.S., Korolev, V.N.* Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his "Historical description of the Don Host Oblast"] // Sukhorukov V. D. Historical description of the Don Host Oblast. Rostov-on-Don, 2001. pp. 7-18. [in Russian]

Krasnov, 1863 – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

Krasnov, 1870 – *Krasnov, N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb., 1870. P. 290. [in Russian]

- Krasnov, 1877** – *Krasnov, N.I.* (1877). Nemeckie voennye pisateli o kazakah [German military writers about the Cossacks]. *Russky Invalid*. № 73. pp. 3-4. [in Russian]
- Krasnov, 1909** – *Krasnov, P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last of the Quiet Don]. SPb. P. 522. [in Russian]
- Mininkov, 2010** – *Mininkov, N.A.* (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka [The practice of historiography and the emergence of historical science in the culture of the Don of the first half of the XIX century]. Terminology of historical science. *Historiography*. M., pp. 266-285. [in Russian]
- Morozova, 2007** – *Morozova, O.M.* (2007). «Vydayushchiysya donets»: general-maior I.S. Ul'yanov [«Outstanding Donets»: Major General I.S. Ulyanov]. *Man of the second plan in history*. Issue 4. Rostov-on-Don, pp. 308-327. [in Russian]
- Morozova, 2010** – *Morozova, O.M.* (2010). Gruppovoi portret v inter'ere kantselyarii [Group portrait in the interior of the Chancellery] // *Relga*. Scientific and cultural journal. 2010. № 15. [Electronic resource]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2753&level1=main&level2=articles> (reference date: 27.11.2018). [in Russian]
- Nomikosov, 1884** – *Nomikosov S.F.* Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk, 1884. P. 774 [in Russian].
- OR RNB** – Department of manuscripts of Russian national library.
- Savel'ev, 2010** – *Savel'ev, E.P.* (2010). Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks]. M. P. 480. [in Russian]
- Savchuk, 2004** – *Savchuk, G.V.* (2004). Vasilii Mikhailovich Pudavov – zabytyi istorik donskogo kazachestva [Vasily Mikhailovich Pudavov – a forgotten historian of the Don Cossacks] *Don vremennik*. 2004. [Electronic resource]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m5/4/art.aspx?art_id=891 (reference date: 27.11.2018). [in Russian]
- Sapozhnikov, 2011** – *Sapozhnikov, A.I.* (2011). Osvobozhdenie russkimi voiskami Berlina v fevrale 1813 g. [The liberation of Berlin by the Russian troops in February 1813]. *Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University*. № 5. pp. 212-225. [in Russian]
- Stoletie, 1907** – *Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902* [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. Vol. III. Ch. 4. SPb., 1907. P. 781. [in Russian]
- Sukhorukov, 1891** – *Sukhorukov, V.D.* (1891). Statisticheskoe opisanie Zemli Donskikh kazakov, sostavlennoe v 1822-1832 godakh [Statistical description of the Don Host Oblast, compiled in 1822-1832]. Novocherkassk. P. 302. [in Russian]
- Sukhorukov, 2001** – *Sukhorukov, V.D.* (2001). Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo [Historical description of the Don Host Oblast]. Rostov-on-Don, P. 516. [in Russian]
- Ul'yanov, 1901** – *Ul'yanov, I.S.* (1901). Zapiski I.S. Ul'yanova [Notes of I.S. Ulyanov]. Collection of the Don Host Oblast Statistical Committee. Issue II. Novcherskassk, pp. 60-95. [in Russian]
- Ul'yanov, 1902** – *Ul'yanov I.S.* (1902). Zapiski I.S. Ul'yanova [Notes of I.S. Ulyanov] // Collection of the Don Host Oblast Statistical Committee. Issue III. Novcherskassk, 1902. Pp. 53-82 [in Russian].
- Shrek, 1836** – *Shrek, I.M.* (1836). Drevnyaya i novaya vseobshchaya istoriya Shreka, dopolnennaya kratkim povestvovaniem o poslednikh sobytiyakh nashego vremeni [The ancient and modern universal history of Shrek, supplemented by a brief narration of the latest events of our time]. SPb. P. 512. [in Russian]
- Volvenko, 2015** – *Volvenko, A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107. [in Russian]

«Мы видели, казалось, в казаках витязей Гомера»: материалы И.С. Ульянова о казачестве 1820–1830 гг.

Артем Перетяцько ^{a, b, *}

^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. И.С. Ульянов – донской генерал, общественный деятель и писатель первой половины XIX в. Он был одним из образованнейших донских казаков своего времени, и в дореволюционный период исторические и околоисторические работы И.С. Ульянова пользовались определенным признанием. Однако современные исследователи изучают главным образом политическую и общественную деятельность генерала, а его литературные и исторические труды остаются вне поля их зрения.

Между тем сохранившийся до наших дней архив И.С. Ульянова дает уникальную возможность заглянуть в «творческую лабораторию» донского литератора 1820-1830 гг., эпизодически обращающегося и к историческим темам. Обратившись к этому архиву, а так же «Запискам» И.С. Ульянова, мы установили, что казачий офицер в это время интересовался историей казачества не так часто, как правило, в связи с контактами с поляками и русскими офицерами, якобы негативно относящимися к казакам. И.С. Ульянов выписывал цитаты из иностранных авторов и Н.М. Карамзина, доказывающие величие казачества. С той же целью он написал и «Отрывок из памятных записок NN», свою работу 1820-1830 гг., наиболее насыщенную историческими реминисценциями. Сам И.С. Ульянов признавал возможность только безусловно положительной характеристики казачества, и, не находя подобной характеристики у современных ему историков, обвинял их в непонимании истории Дона. Тем не менее, несмотря на подобную необъективности и наивность, тексты И.С. Ульянова предвосхищают некоторые важные тенденции в донской историографии второй половины XIX в.

Ключевые слова: И.С. Ульянов, Н.М. Карамзин, Г.В. фон Валентини, донская историография первой половины XIX в., Польское восстание 1830-1831 гг.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А. Перетяцько)